

Евгений Жироухов

Гандикап — павлиний хвост

Биндюжка

(повесть)

Порт. У моря здесь ничего не осталось от его вольного сумасбродства и романтической красоты. Море здесь было рабочей площадкой. Заплеванное мазутом, замусоренное окурками, пластиковыми бутылками и другой непотопляемой чепухой, оно не отражало в своей глубине ни плывущих по небу облаков, ни задумчиво склонившихся над ним порталных кранов. Волны лениво бились в бетонные стенки, дожидаясь шторма, когда они в кипящей пене выбросят на берег все эти противоестественные для них вещества.

1.

Только что закончились авральные дни. Досрочно разгруженный караван отшвартовался в обратный рейс. Поначалу показалось, что порт отдыхающе затих — нет, он просто сбросил авральные обороты и заработал в обычном режиме.

Сделавшие свою работу докеры первого круга, непосредственно выгружавшие транспорта, ушли на большой перекур. Их коллеги, грузчики второго круга, загрузившие портовые склады и отпускающие грузы по потребителям, приняли эстафетную палочку весом... короче говоря, все то, что привезли три немаленьких сухогруза.

В комнате отдыха грузчиков, или в так называемой биндюжке, где никогда не выветривается стойкий кислый запах табака, пота, соленой рыбы и водочного перегара, где из всей обстановки — длиннющий стол и несколько лавок, сколоченных из досок такой толщины и гвоздей такого размера, что казалось, это дело рук какого-то не очень умелого в столярничестве великана, на красном пожарном щите с гнутым багром вывесили приказ управляющего портовой товарной базой.

Аж, на четырех страницах. Первые три: тра-та-та... в сложных условиях рыночных отношений... напряжение творческих усилий коллектива... поднять... опустить... добиться... тра-та-та... президент и страна... На последней четвертой странице звучало поконкретнее: разделение фонда оплаты труда под взятые на себя обязательства трудовых коллективов, введение лицевых счетов, демократические принципы выбора бригадиров — и в последних строчках опять тра-та-та.

Будто приказ диктовал не лично управляющий базой, а сама себе пишущая машинка его секретарши — Анки-пулеметчицы. Однако — как говорят местные аборигены — приказ произвел впечатление.

2.

В биндюжке отдыхали четверо грузчиков. Один из них, дед Ковальский, самый старейший член грузчицкой бригады, которого держали, может быть, за то, что от него не столько пользы, сколько смеха, подошел к листкам приказа, шевеля губами, прочел с полстранички. — И что там накарячили — убей не разберу. — Он демонстративно плюнул, рассчитывая, что над этим засмеются, и сел на лавку, хлопая лапами бушлата, чтобы высохло подмышками. — Дурак старейший, — лениво произнес длинный и мосластый, как бамбуковая удочка, Иванов. — О выборах бригадира читал? То-то я давно мыслю, что пора нашего пузанчика в отставку. — Действительно, — несмелым голосом сказал Валерка Чичахов, скромный парень, наливающийся застенчивым румянцем по любому пустяшному поводу. — Одна его родня у него в почете.

Иванов повернул к нему голову в шнурованном подшлемнике сварщика, посмотрел

дольше, чем он обычно смотрел на человека. — Ха, Валер, а ты правильно мыслишь.

Чичахов махнул рукой. — Да что я — один, что ли. Многие так говорят. — Многие — это хорошо, это в самую масть, — жестко улыбнулся Иванов. — Забурел, забурел бугор. Пять лет уже бригадирствует, жирком, как тюлень, заплыл...

Пискнула схваченная морозом входная дверь. Протопали по коридору тяжелые шаги, и в биндюжку вошел, вернее, протиснулся боком через дверной проем легкий на помине бригадир грузчиков Самошкин. На его неподвижном, щекастом лице бегали живые черные глазки. — Курите?.. Ну, скоренько курите, а то там еще две машины ждут. Экспедиторы бегают, ругаются. — Самошкин поморщился, потрогал себя сложенной в горстку ладонью за печень. Через пять секунд переспросил: — Ну, перекурили? Давай, мужики, скоренько за работу. — Где, перекурили! — возмущенно повысил голос Иванов и показал на остаток сигареты в руках деда Ковальского. — Дай людям-то дух перевести. Скоренько... — Ты не бухти! — в свою очередь прикрикнул Самошкин. — Час поработал и, гляди, устал. Нас сейчас двадцать харь в бригаде. А раньше пятнадцать было, а объем чуть ли не вдвое больше. Норма в смену — двадцать тонн на харю. И ничего, пахали, не скулили... Дайте кто-нибудь

папироску, — уже миролюбиво попросил бригадир.

Грузчики ушли. Самошкин расстегнул полушубок, сел на скамью и потер под полушубком левую половину груди. Неодобрительно посмотрел на дымящуюся папиросу и привстал, собираясь бросить ее в ведро-пепельницу. Задел выпирающим из-под ремня животом о край стола, посмотрел на свое брюшко и снова сунул папиросу в зубы.

В биндюжку шумно ввалилась четверка, работавшая на погрузке муки. Стягивали с голов башлыки, отряхивали поднимающуюся клубом мучную пыль, промывали под краном запорошенные глаза. — Что, бугорок наш, грустишь? — подошел к бригадиру его брат Юрка Самошкин, кругленький и подвижный, как теннисный мячик, похлопал брата по животу. — О, бурдючок-то все растет, растет. — Отойди, измажешь, — отстранился бригадир. — Все погрузили? — А то, как же, — бодренько ответил Толик Турусин, сосед бригадира по лестничной площадке и его первый заместитель, невысокого росточка, по-лисьи рыжеватый и с умильно-хитреньким лицом, постоянно с клоунскими ужимками и крученый, точно юла. — Восемнадцать тонн за два часа. Рекорд? — Во-о, молодцы, — кивнул Самошкин-старший. — А то тут сейчас эта оглобля развыступалась...Иванов. — А чего он? — как будто без понятия, спросил

хитровуший Турусин, со зверской мимикой выковыривая мизинцем из уха набившуюся мучную пыль. — Да все то же — ищет как бы сачкануть. — А на каком он складе? — На стеклянном. Банки с консервами, соками всякими там отпускают. Я время засекаю, когда они на перекур пошли. Дай, думаю, проверю, сколько они без погонялы протерпят... Двадцать минут прошло — а они все сидят, курят, — бригадир возмущенно хлопнул себя по коленкам. — Котёл-то бригадный общий, что ж не сачкануть, — кивнул Турусин. — Ты бы их на муку послал вместо нас.

Самошкин развел руками, мол, он обязан по справедливости, никому не потакать, будь то брат, сосед или просто услужливый человек. — Нет уж, — возразил Юрка, — я бы лучше на муке. Таскай, знай себе — а там сто сортов всяких, бегай по складу с ящиками. Тоннажа не видно, а измочалишься вдрызг, за полдня язык на плечо вывалишь.

Бригадир недовольно хмыкнул. Юркиного поведения старший брат вообще не одобрял. За пять лет своего бригадирства старший Самошкин вел политику, в которой главным признаком нормального поведения дел в бригаде являлось уважение к личности бригадира. В основном, ребята подобрались в этом смысле хорошие. Вот лишь Юрка — из своих же, родной брат, а никак не

поймет преимуществ такого поведения. Тут тебе и премии, и отпуск на материк в лучшее время, и другие всевозможные блага, которые можно вырвать с производства. Но Юрка, глупый человек — как заартачится и все по-своему, даже критикует брата принародно.

Старший Самошкин устал внушать младшему, Юрке, как тому полагается себя вести. И на псих срывался, орал мать-перемать, трясся брудастыми щеками. И по-хорошему, ласково пробовал: дома при каком-нибудь застолье, обнимал брата за плечи, чертя пальцем по скатерти, втолковывал свою «дипломатию»: — Пойми, Юрка, я за всех наших стараюсь. Пропадем же в этой сволочной жизни, если не скучкуемся... Одного отца дети, а ты такой дурной...

В окно биндюжки постучали — пришли еще машины под муку. Толик Турусин, весь как на пружинках, соскочил с батарейной трубы на скамью, со скамьи — на пол. Натягивая свой бушлат, подгонял ребят. — Ты, это самое, Толик, — с заминкой сказал бригадир, — собери-ка вечерком совет бригады.

Турусин уже в туго перетянutom солдатским ремнем бушлате, в завязанном вокруг шеи башлыке, всем телом, как водолаз в скафандре, повернулся к Самошкину. — Ну и соберемся у меня. Всем нашим скажу. Как раз жена пельменей

наморозила. — Не-е, Толик, — сожалеюче протянул бригадир, — под пельмени не получится. Тут не все так просто, — он показал пальцем на приказ, пришпиленный к пожарному щиту. — Тут на трезвую голову решать надо. Ты обмозгуй, понимаешь, в глубину это дело. Ты же у меня в этом деле спец.

4.

Утром следующего дня Самошкин, пересчитав бригаду, вздохнул, будто кит на берегу. — Ну вот. Шестерых — нет. Где они? Эх-хе-хе.

Толик Турусин выпалил, как из пулемета: — Два в отгуле, один в отпуске, три — на больничном... — На больничном... — хмыкнул Самошкин, рыская глазами, у кого бы стрельнуть папироску. — Вот скоро введем новый порядок, — он ткнул пальцем в приказ на пожарном щите, — поболеее тогда, поболеее... — Это что ж, тогда болеть нельзя будет? — спросил угрюмый с похмелья Федотов, который чаще других страдал радикулитом. — Будешь беречь свое здоровье, — с усмешкой вставил Турусин. — А то вред всей бригаде. Уменьшается объем выполнения работы, понял?

Причмокивая негоревшей папиросой,

Самошкин, придав лицу серьезность, значительно объявил: — Короче, чтоб все слышали, с той недели будем на отдельном фонде зарплаты. Ясно? — Не ясно! — вылез вперед из толпившихся грузчиков Иванов. — Объясни народу, что значит отдельный фонд зарплаты. Кроме того, что болеть нельзя. Там, между прочим, — Иванов тоже показал на пожарный щит, — написано и про выборы бригадира... — Граждане, граждане! — Толик Турусин, отвлекая внимание на себя, захлопал в ладоши, замахал руками и заговорил быстро-быстро, со всякими шуточками-прибауточками. Самошкин замер с помертвевшим выражением лица, будто в предынфарктном состоянии.

— Братаны-докеры, романтики погрузочно-разгрузочных работ, все будет по-старому, не кипятись. Воткнемся в суть дела — новенькое только то, что теперь мы берем денег под аванс столько, сколько наобещаем выполнить погрузок. А обещать мы умеем, а?

Турусин скорчил лукавую мордочку. Послышались смешки. Турусин тут же вмиг сделался серьезным и продолжил печальным голосом: — Если, конечно, тебя нет на работе, то бригада, значит, меньше тонн перекидает. Так в одну смену, потом в другую — и что ж? Выходит, мы обманщики, деньги свои не отработываем.

Денег нам следующий месяц не... Что? Правильно, сосите лапу... — Ты, это, брось свои ужимки, — мрачно оборвал его Иванов. — Что ты крутишь? Объясни народу конкретно. Да? — Иванов дернул головой, будто обращаясь к стоявшим за его спиной. — Граждане, по чепухе не надо шуму. — Турусин развел руками и сделал лицо свое глубоко расстроенным. — Конкретно? Так я вам и конкретно. Пор-рядок! — Турусин опять преобразился: вытянулся натянутой струной, холодный взгляд, жесткое лицо. Он выкинул вперед руку и сжал кулак. — Порядок должен быть. А мы все погрязли в бардаке. Железный порядок — и мы победим...

Самошкин уже отдышался, пока его заместитель давал спектакль. Тихим, усталым голосом он сказал: — Ладно, об чем базар, мужики. В новой этой системе что хорошо — кто хочет заработать, тот заработает. Введем на каждого учет тоннажа, по нему и платить будем. Вот.

Иванов опять перебил ехидным голосом: — Учитывать-то, кто будет? А-а? — Совет бригады будет учитывать, — буркнул Самошкин и сунул в губы уже истлевшую папиросу. — А-а, тогда заранее можно сказать, кто больше всех заработает, — засмеялся Федотов. — Теперь надо на работу со своими весами приходиться, свой тоннаж завешивать. — Федотов! — прикрикнул

Самошкин. — Ты лучше сиди и молчи. Твои прогулы, между прочим, я больше прощать не собираюсь. — Вот именно, — твякнул вертящийся вокруг бригадира Толик Турусин. — Ка-а-кие прогулы? — Ты замолкнешь, или нет! — рявкнул на Федотова один из родственников Самошкина, то ли его кум, то ли свояк, прапорщик в отставке Утюгов. — Кто это придумал?! — громко, чтобы перекричать гвалт, спросил Володька Ильин, стройный поджарый парень, над которым посмеивались за его молчаливость и уважали за то, что легко работает, будто танцует. — А в других бригадах тоже так?

Самошкин махнул рукой и перестал что-либо объяснять. Нервно ходил по биндюжке, щупая то свою печень, то сердце. — Толик, — устало сказал он Турусину, — рассылай людей по местам. — Хватит глотки надирать, работать надо. Давай скоренько...

5.

Иванова, деда Ковальского и Чичахова Турусин тут же определил вывозить со складов стеклянный бой, испорченные продукты и другие не годные ни для какой уценки товары. Работа не особо тяжелая, но грязная и нудная. Мало удовольствия загружать мусорную машину

мешками, из которых сочится забродившая томатная паста, или, фукая от брезгливости, вываливать из бочек протухшую селедку и капусту, когда вся эта вонючая гадость течет тебе на грудь, под рукава и чуть ли не за шиворот.

Дожидаясь, когда возвратится со свалки очередная машина, грузчики присели отдохнуть у ворот овощного склада. Притомившийся дед Ковальский прислонился затылком к стене, прикрыл глаза. Иванов сел на ящик, закатав облитый селедочным рассолом брезентовый фартук. Брезгливо понюхал свои руки и спросил у Чичахова: — Тебя-то, Валер, за что на эту каторгу? Меня, понятно, за критику. Ковальского — потому что он затюканный. Тебя-то, за какие грехи перед бригадиром?

Чичахов молча пожал плечами. — Конечно, ты недавно работаешь, поэтому пока и не взбрыкиваешь. Но рано или поздно надоест. Кому-то все конфетки оприходовать. А кому в параше хлюпать. Вот, что я тебе скажу, Валер, — Иванов пригнулся к самому уху Чичахова, — ты давай бери мою сторону. Выйду я в бугры, без балды. Я, по своей жизни, все время в главарях ходил. Мне бы только команду свою сколотить. Как это говорится — предвыборную... Понял? — Иванов похлопал Чичахова по плечу. — Песни ты хорошо, Валер, под гитару бацаешь. Это, знаешь,

как может пригодиться. Теперь делай это с таким смыслом, чтобы, значит, после какой-нибудь жалостливой песенки ребятам, которые вокруг тебя, взять и сказать, будто между прочим: эх, мужики, нам бы в бригады Колю Иванова, вот бы жизнь пошла... Понял? — Иванов опять похлопал Валерку по плечу. — Понимаешь, Коль, — замялся Чичахов, — я, в общем, за то, чтобы по справедливости всё шло... — Козе понятно! — нервно и громко хохотнул Иванов, отчего дед Ковальский вздрогнул и открыл глаза. — Я ж тоже за справедливость, о чем тебе и толкую. Чтоб все было по справедливости. Не все ж Самошкину бугрить на благо своей родни.

Вдалеке показалась, с походкой, как утка, с боку на бок, фигура бригадира. Он подошел — и сразу с места в карьер принялся ругаться непонятно на кого: — К хренам собачьим такие работники нужны. Вшестером за два часа не могут машину загрузить. Шиш, мы такими темпами что-то на бригаду заработаем. Придется от вас одного на склад стройматериалов перекинуть. Давай, Валер, ты, что ли. Скидывай свой фартук и скоренько дуй туда... — Да как же мы тут с дедом вдвоем! — вспыхнул Иванов. — Специально, что ли, измываешься? — Не бузи, ну тебя в задницу, — спокойно отозвался Самошкин. — Затоптать меня хочешь — не выйдет! — Иванов оскалил зубы,

точно готовая к обороне собака.

Самошкин дождался, когда Чичахов, переодевшись, направился к складу стройматериалов, и двинулся следом за его спиной, как будто ведя под конвоем.

6.

В стылом холоде металлической полубочки склада стройматериалов погрузка и в самом деле почти не двигалась. Кузов ЗИЛа был заполнен мешками с цементом лишь на треть, водитель машины, видимо, сомлевший от ожидания, спал, похрапывая, в кабине.

Грузчики выковыривали мешки из рухнувшего штабеля, вдвоем подкидывали мешок на плечо третьего и тот по крутому дощатому трапу поднимался на кузов. Двое носили, двое грузили и двое голыми руками, то и дело матерясь и дуя на замерзшие пальцы, выдирали мешки из кучи. — Завскладом, зараза, не разрешает с другого штабеля брать, — замученным голосом объяснил Федотов, глядя, как Валерка Чичахов в рукавицах пытается ухватить угол бумажного мешка. — Подмочило их еще с лета, они и сцементировались друг с дружкой. Ну, будто каменную стенку пальцами расковыриваем. — А бригадир говорит, что вы тут ползаете, как мухи, — с кряхтеньем сказал

Чичахов. — Ну, у него, конечно, только его братья да кумы работают, а остальные — дармоеды и сачки... — А чего вон додумались на своем совете бригады — звенья ввести, — подхватывая на плечо мешок, возмущенно добавил Брагин, когда-то запойный, а теперь серьезный, семейный мужик, очень ревниво относившийся к своему заработку. — Каждому звену — своя специализация. Это ж с ума сойти, какая будет несправедливость...

Чичахов выпрямился и сказал неуверенным голосом: — Ребят, а может, вправду бригадира переизбрать. Чтобы все было по справедливости... Вот Иванова... Николая, например, избрать... — Во, точно! — обрадованно взмахнул кулаком Федотов. — А то меня уже заклемили злостным прогульщиком. Бригадир, если еще больше оборзееет, так вообще вытурит с работы и все мои восемь северных надбавок — коту под хвост...

Максимиыч, философ-молчун, но в бригаде человек уважаемый, устав держать на весу мешок, дожидаясь когда Федотов подставит под него свое плечо, перебил любившего поразглагольствовать и поорать просто так в пустоту оратора: — Давай в бригадиры твою родную бабушку выберем. Ставь плечо, черт, руки уж опухли!.. — Федотов впопыхах подхватил мешок и, видимо, неловко,

жестким углом придавил себе ключицу, не докричал последнюю фразу, ойкнул и пошатнулся. — Стоять, Зорька, стоять. — Максимыч быстро среагировал, поддержал Федотова и поправил ему мешок. — Вперед, докер! Вперед.

Рухнувший штабель наконец разобрали и дело пошло быстрее. Теперь двое подкидывали мешки, а остальные носили их по трапу. Кузов машины заполнялся прямо на глазах. Однако бунтарское настроение не ослабляло. Как говорится парламентским языком, микрофоном овладели все одновременно. Все бегали, кричали, ругались и вносили предложения. Даже застенчивый, как девчонка, Чихахов раскраснелся, будто лупанул стакан спирта, кричал что-то про справедливость и про Колю Иванова.

Максимыч, стоя на подаче мешков, своих предложений не вносил, а только с грустной ухмылкой на потной физиономии критиковал предложения других. — Это разве механизация! — кричал из-под мешка «зашитый» от пьянства и, может быть, поэтому всегда понуро-озлобленный Брагин. — Это механизация времен строительства египетских пирамид. А две болгарских кары на складе гниют. — Брагин для пущей убедительности притоптывал по доскам трапа. — Сапоги уже сколько времени не выдают, а! — кричал «цыган»

по отцу-матери и русский по паспорту Еремеев. — Рукавицы тоже, фуфайки. Это же — что, спецодежда!.. — И по упаковке тампакса, — ухмылялся Максимыч. — Сверхурочные постоянно. В отпуск летом не вырвешься. Никакой личной жизни!.. — В библиотеку некогда сходить, — добавил Максимыч.

Заспанный водитель ЗИЛа вылез из кабины, заглянул в кузов и замахал руками. — Хорош, хорош, ребята! У меня ж рессоры в обратную сторону вгнулись. А я думаю спросонья, что это вы кричите? Хорошо, что разбудили...

Машина осторожно вырулила из склада и поехала на весовую площадку. — Эх, романтика разгрузочно-погрузочных работ, — вздохнул Федотов, отряхиваясь от пыли. — До обеда долго там?

Валерка Чичахов посмотрел на часы. — Сорок минут еще. Пойдем в биндюжку?

На пути до биндюжки навстречу грузчикам, как бы случайно попался бригадир. — Закончили? — поинтересовался он, будто не видел загруженную машину, и посмотрел на свои часы. Покачал головой и спросил, изумившись: — Ба-а, вас аж семь человек было? — Грузчики примолкли, чувствуя себя в чем-то виноватыми. — Давайте сейчас на мясной склад, там уже начали загружать рефрижератор. Скоренько загрузите и как раз к

обеду успеете.

Федотов первым согласно кивнул, втянув голову в плечи, и повернул в сторону мясного. За ним шаркающей походкой поплелись остальные.

7.

В обеденный перерыв, приехав из столовой, уселись играть кто в домино, кто в шашки, некоторые просто так растянулись на скамейках, давая отдых перенапрягшимся мускулам. Ровно в час дня Самошкин разослал всех по складам. Ни о собрании, ни о бригадном нововведении никто и не заикнулся.

Прошло недели две. Никаких изменений в работе не замечалось и само по себе уразумелось, что растревоживший всех передел и пересчет — это нечто вроде очередной формальности, необходимой для какой-то там отчетности в конторе.

Но вот в понедельник утром, перед разнарядкой на работу, бригадир животом и словом зацепил Сережку Рябова, того самого, который работает, как танцует, но не вышедшего в воскресенье в дежурную смену. — Тебе, Рябов, я прогул поставил за вчерашнее. — А-а, — спокойно махнул рукой Рябов, — отработаю, сам же знаешь. — Я просто предупредил, — без злости в голосе произнес Самошкин.

За два-три дня до получки бригадир обычно пропадал, как в бригаде говорили, «закрывал наряды». Вместо Самошкина оставался командовать его заместитель Толик Турусин.

Когда принесли расчетную ведомость, Сережка Рябов вдруг с измлением обнаружил, что сумма получки у него втрое меньше, чем у остальных. — Э-эх, ты! А это почему!? — взревел обычно пофигист до всех проблем Рябов и искал глазами бригадира. Увидел Турусина, схватил того за воротник бушлата и потащил к столу, на котором лежала расчётка.

— Толик, это почему так? Ща-а в глаз дам!

— При чем тут глаз? При чем тут такие наивные вопросы?.. — выкручиваясь из рук Рябова, Турусин пытался выглядеть серьезно. — Вся страна живет новой жизнью. В нашем порту тоже... того, соответственно и в бригаде нашей... тоже, понимаешь, да? И вообще, тебе же объясняли: новая система, за прогул снизили коэффициент. — Во-о дела, — расстроено сказал Рябов и машинально стряхнул обе ладони. — Сейчас так бы кому-нибудь в глаз бы врезать... Эх-ма...

После этого случая материально ущемленный Рябов стал лучшим союзником вечно всем недовольного Иванова. Самошкину такая дружба показалась явно подозрительной. На работу он старался разослать союзников в разные места и

через Толика Турусина распространял «разную пропаганду» — что Иванов сказал про Рябова, а Рябов — про Иванова. Инстинктивно, а может, и осознанно, но безусловно самостоятельно Самошкин додумался до политического принципа римских императоров: разделяй — и властвуй.

В своей бригаде Самошкин не одобрял никакого товарищества, кроме своего «семейного круга». Главной заботой, головной болью в постоянных мыслях у Самошкина было одно — как бы из бригадиров не свалиться обратно в рядовые грузчики. Такая перспектива представлялась для него концом всего хорошего в жизни, концом самой жизни.

Выбиться в бригадиров или дослужиться до поста министра — по своей сущности, для человеческой личности есть один и тот же технический прием прыжка в высоту. Человек, преодолевший планку, возводится в ранг чемпионов. Некоторые — районного уровня, некоторые — областного, а некоторые — и олимпийского. Чемпионский титул, независимо от его масштабности, создает в человеческой личности определенный комплекс.

Комплекс, как совокупность психиатрических аномалий. Комплекс чемпиона — понятие, с точки зрения спортивных психологов, положительное, необходимое качество спортсмена, как

агрессивность у бойцовских собак. С позиций нейтральной социальной психологии, с позиций исторических примеров — все беды страны от того, что бывшие «чемпионы» патологически, любыми путями и способами, не скупясь на деньги и людскую кровь, зубами вцепляются в свой «титул», намереваясь закрепить его в пожизненное, а то и в наследуемое владение.

«Чемпион» уже и подпрыгнуть не может выше собственной подошвы, но комплекс «чемпиона» пророс в нем глубинными метастазами и никакими терапевтическими, никакими хирургическими манипуляциями этот комплекс не излечить. И ликвидируется этот комплекс исключительно лишь при ликвидации самой личности. Вот такая это тяжелая болезнь — и такое жестокое лечение.

8.

С того самого времени, как на пожарном щите грузчицкой биндюжки появился изуверский приказ о демократии и выборах бригадира, Самошкин-старший все явственнее и пронзительнее ощущал себя в шкуре генерала, с которого на предстоящих выборах комдива личный состав с улюлюканьем сдерет лампасы с генеральских брюк и отправит его свинопасом в местное подсобное

хозяйство.

Мысли Самошкина слиплись в комок, точно прокисшие пельмени. Без помощи Толика Турусина разобраться в этом «комке пельменей» самостоятельно никак не получалось.

Турусин, когда бригадир вызывал его для оперативного совета, почти всегда вел себя в одной манере. На первые вопросы «бугра» — ответы шутейные. На следующую очередь вопросов — ответы короткие и с критикой, отдающиеся болью по самолюбию Самошкина. Последняя серия вопросов — Толик обмысливал вслух, в елейноточивых оборотах, выставляя фигуру «бугра» страдающей и бескорыстной.

Как говорил мифический Штирлиц: в сознании застревают последние из сказанных фраз. Но Толик Турусин, видимо, был похитрее Штирлица. Он домыслил сам, что последние фразы создают настроение, но в сознании застревает все сказанное и перед этим. Но чисто с информационным оттенком, без психологической нагрузки. — И на хрена нам эти выборы, скажи? — Мода такая. Не будем же мы против волны плыть. — Херня все это, если мода. Отменят скоро. — Пока отменяют, наверху удержаться надо. — А как? Толик, ты же голова. На Чубайса, вот, даже похож.

Турусин вздыхал и разводил руками: — Не

мне тебя учить. Ты весь расклад сечешь лучше меня. Тебе просто по доброте своей народ жалко. А взять их всех, этих баламутов, вот...вот...так. — Турусин показал крепко сжатые кулаки. — А потом — вот так. — И его кулак будто открутил голову воображаемому цыпленку. — Но ты, Володь, все через свое сердце пропускаешь, себя травмируешь. Не дай бог, инфаркт схлопочешь. — Верно сказал, — закивал Самошкин брдастыми щеками. Потом он ладошкой-ковшиком пощупал левую половину груди, после этого пальцами в щепотку потыкал в область печени. — Гробишь, понимаешь, за народ свое здоровье... И все напрасно. А ведь даже инвалидность не дадут, если что... — Воло-одь, — протяжно-льстиво позвал Самошкина Турусин. — Будешь когда на той неделе наряды подсчитывать, ты мне впиши две ночных дежурки. А? Дочке на шубку надо. Нам на бутылку. — Турусин, прижав затылок к плечам, снизу вверх посмотрел на бригадира.

Самошкин кивнул с серьезным видом начальника.

9.

Служебный автобус, подпрыгивая на затвердевших от мороза кочках, подкатил к воротам портовой базы. Первыми из дверей автобуса

выбрались грузчики и цепочкой по двое, по трое потянулись к проходной. За ними вышли всякие там товароведы, завскладами, бухгалтеры.

Замыкающими оказались Самошкин и его зам Турусин. Когда Самошкин и Турусин вошли в бытовку, на них в обстановке полного молчания уставились двадцать пар угрюмых глаз. Самошкин сначала опешил, потом тоже напустил на себя мрачный вид, прошелся по биндюжке от стены к стене, по пути стрельнув папироску.

Траурное настроение бригады было ему понятно: такое случалось, если падал заработок. Выяснялось это лишь в день полочки и от неожиданности выглядело обидным, несправедливым. Грузчики начинали роптать, шарить по столам в поисках листка бумаги, чтобы сейчас же с обидой на сердце написать заявление об уходе.

При таких настроениях управлять бригадой становилось несравненно тяжелее. Сейчас начнут выискивать виноватых, засыпят упреками бригадира, потом по бригадирской же подсказке перемоют кости расчетчикам из бухгалтерии, начальнику базы, завскладами, поматерятся на инфляцию и курс доллара — и, постепенно успокаиваясь, погудят еще день-два — и так до следующей маленькой зарплаты. — Ковальский, Чичахов, Мулин, Брагин — на овощной,

перечислил Самошкин первую четверку, выбрав самых покладистых: главное — сдвинуть с места первого барана, остальное стадо потянется по зову инстинкта. — На склад стройматериалов... — Пстой-ка! — перебил Самошкина Громов, уважаемый в бригаде мужик, сам шесть лет назад бывший бригадиром грузчиков. — Ты объясни сначала народу поясней, почему так получается? Почему-то это мы второй месяц подряд заработок теряем? Понятно, когда работы дешевые выполняем, но в этом же месяце, я прикидывал, по расценкам у нас нормально выходило. А-а? — Громов был ехидный на язык да и разбирался как бывший бригадир в составлении нарядов, в хитрости применения расценок и тарификации. — Мы тут покумекали немножко, — с улыбкой сказал он, — и решили, что тебя, Володя, кто-то облапошил... Или... тут что-то другое.

Самошкина сразу резануло по ушам слово «мы». Как это понимать: «мы» — кто это — «мы»?

Самошкин быстро скользнул взглядом по лицам грузчиков. Все, включая и сородичей, смотрели на бригадира с вопросом. «И когда сговориться успели?» — с усталым испугом подумал он.

Машинально, как бы уже равнодушный к сыпавшимся на него ударам, ответил: — Нормально, мужики, все утрясем, уладим. Соберем

вот совет бригады. Толик, запиши там где-нибудь... Вызовем администрацию. Пусть объяснят народу... — Чо, совет, чо, совет! — Поднялся со своего места Иванов и, рубя воздух кулаком, требовательно сказал: — Надо собрать всю бригаду. И, в конце концов, решать. Окончательно и бесповоротно.

Грузчики одобряюще загалдели. Вскочил Рябов и принялся что-то выкрикивать неразборчивой скороговоркой, то тряся указательным пальцем, то показывая большим пальцем куда-то в область своей поясницы. В общем гвалте прибавлялось все больше и больше отдельно звучащих голосов. К штатным бузотерам присоединились и обычно молчавшие.

«Эко их перекосило из-за каких-то двух-трех сотен», — промелькнуло в голове Самошкина и он почувствовал вдруг такую безвозвратность потери, как на похоронах очень близкого и дорогого человека. — Забыл, как сам хребет гнул?! — Не думает бугор о бригаде — менять пора!

10.

В биндюжку протиснулся через заиндевевшие двери управляющий базой. Румяный с мороза, в роскошно блестящей котиковой шапке, с солидной высокой фигурой, обтянутой кожаным пальто. —

Что за шум — а драки нету? — формально поинтересовался он. — А почему не на рабочих местах?

Грузчики примолкли, и первая назначенная бригадиром четверка прошмыгнула за спиной управляющего к выходу. — Да тут мы... того, свои дела решаем, — приниженно-спокойным, специальным для разговора с начальством голосом объяснил Самошкин. — Маленькое собрание это... организовалось. — Все собрания в нерабочее время, большие или маленькие. Давайте по местам, транспорт простаивает.

Иванов, попавший по мановению бригадирской воли на чрезвычайно халтурную работу — оприходование кондитерских изделий, лишний раз убедился, что Самошкин его серьезно побаивается и намекает: мол, давай жить дружно.

В одной четверке с Ивановым ящики с халвой, конфетами, печеньем приходовали Громов, Ильин и двоюродный братан бригадира Сашка Кислаков. То, что Сашка — «ухо бригадира», секретом ни для кого не было. Заведенные с утра на крамольный лад, грузчики начхали на «подслушивающее устройство» и шпинали имя бригадира, словно бильярдный шар, никак не попадающий в лузу.

Наблюдавшая за ребятами товаровед, смешливая по своей природе девчушка, прямо заходила от смеха, глядя, как костлявый и

длинный Иванов копирует походку пузатого Самошкина. — Эх, жалко, тебя ваш бугор не видит... — Не видит, зато слышит, — хохотнул Иванов. — Думаешь, мы так перед ним трепещем? Хренушки.

Сашка Кислаков отмалчивался, усердно вскрывал топором крышки ящиков на проверку качества содержимого и постоянно жевал, бросая в рот то щепотку халвы, то пригоршню карамели. Порой, правда, солидарно подхихикивал. — Откомандовался, хватит, — уверенно заявлял Иванов товароведу. — Мы его скоро вернем на место, пусть порастрясет свой бурдючок под мешками. А? Правильно, Сашка?

Жующий Кислаков согласно кивал. — Так и кто же будет бригадиром? — спросила, все хохоча, товаровед. — Уж не ты ли, Николай?

Иванов хмыкнул: — Народ решит, будь спокойна. Мы не так, как вы, интеллигенция. Мы коллективом живем. Принцип наш такой. — Да уж, — хмыкнул при этом Громов. — Самозванцев нам не надо — бригадиром буду я. Так, что ли?

Громов распрямился с мучением на лице, скинул рукавицу и, ощерив прокуренные зубы, попытался вытянуть из ладони окровавившуюся занозу. — Был и я бугром, понимаю это дело — нелегко народом править. Но главное скажу: при мне был порядок и обид не было.

Скривив губы, Иванов возражающе сказал: — Слышал я от ребят, Палыч, сам тогда, конечно, не работал. Но и при тебе народ возмущался. И при тебе бригаде не ахти как жилось. — А народ, куда ни целуй — у него везде жопа. Им подай такого бугра, чтоб и работать не заставлял, и заработок вышибал по максимуму. — Бригадир нам сейчас трэба с современным уклоном, чтоб не одним только горлом производительность повышал, — Иванов легко, одним рывком перевернул двадцатикилограммовый ящик с боку на бок, топором вспорол обшивку. — Вон, например, на первом круге у ребят какие заработки, транспорта в два счета выгружают. Зарботки у них такие — в бригаду к ним не устроишься, лишних не держат. А почему — а потому, что у них где только можно — тельферы, погрузчики, транспортеры.

Громов согласился: — Да, а у нас голова только для того, чтобы на ней мешки да ящики таскать. Но где же взять такого современного, чтоб он нам все организовал? Не в газету же объявления давать? — Зачем — в газету? Из своих найдется, наверное, — развел руками Иванов. — Юрку, к примеру, Самошкина, — глухим голосом предложил Ильин. — Он, по-моему, в самый раз. — Не-е, — в один голос завозражали Громов и Иванов. — Молодой Юрка еще, — сказал Громов. — Сломается, когда дело до ругани с

начальством дойдет. Понахрапистей надо. — Да и братан он бывшему бугру. Старший брат на него воздействовать станет, чтобы навредить, значит. Юрка не подойдет, нет, — Иванов замотал головой. — А я лично за Юрку, — твердо сказал Ильин. — Он — человек справедливый, честный, сам не лодырь. Да и вообще — человек с разумением. — Если бы меня спрашивали, — сказала со своего стульчика смешливая товароведка, — то я вам Юрку бы только и посоветовала бы. — А тебя никто и не спрашивает! — огрызнулся на нее Иванов. — Нам еще не хватает всю базу и весь порт опросить: кого они нам в бригадиры посоветуют?

11.

С моря тугими порывами налетал промозглый, пахнувший мокрым снегом и солью ветер. Иванов, держа одной рукой руку дочки, другой — за воротник пальто, прикрывая им лицо от ветра, спешил из детсада домой. От расположенной на углу улиц «стекляшки» шашлычной его кто-то окликнул: — Куда, Николай?!

У входа в шашлычную в окружении троих своих родственников стоял Самошкин с папиросой в зубах. — На запад, — неприветливо отозвался

Иванов. — А что? — А мы вот отдыхаем, — бригадир ублаженно растянул в улыбке губы, лоснящиеся от шашлыков и похожие на свежесваренные сардельки. Он, переваливаясь, подошел, потрепал по шапочке дочку. — Ух, невеста какая растет... Николай, может, с нами, а? Все наши там: Сашка, Толик, Чичахов Валера...

Подумав с секунду, Иванов согласился и направил дочку домой одну. Сам поднялся по ступенькам вместе с державшимся за его рукав Самошкиным. В шумном, чадном зале шашлычной за двумя сдвинутыми столами сидели человек шесть-семь из бригады и двое незнакомцев.

Валерка Чичахов, нагруженный уже выше ватерлинии, склонил голову на свою гитару у него на коленях и чему-то дурацки улыбался. Иванов обошел стол, поздоровался со всеми, сел рядом с Чичаховым. — Фокус, мужики! Чистая спиртяга. — Толик Турусин, хитренько подмигнув компании, выудил из кармана куртки бутылку без этикетки, с прозрачной жидкостью.

Грузчики загомонили, подули в свои стаканы и придвинули их в сторону Турусина. — Ты тоже в родственники записался? — негромко спросил Иванов, перехватывая из рук Чичахова стакан, который тот нетвердым движением попытался придвинуть под розлив.

Валерка по-пьяному, но искренне возразил: —

Нет, что ты, Коль, случайно как-то так встретились... Пригласили — неудобно отказываться, понимаешь. Выпили немного, поговорили о том — о сём... — Про меня, наверное, говорили? — прикрывая для маскировки рот бутербродом, осведомился Иванов. — А про всех говорили. Я никому, понимаешь, зла не желаю. Ребята все хорошие...

Иванова тут окликнул Турусин: — Коля! Мы с бригадиром погавкались сейчас по одному делу. Такая политическая ситуация получается. Ему на этот год обязательно в мае надо в отпуск вырваться, и мне в мае — прямо позарез нужно. На машину денег не нажил, брат поеду. Он, — Толик ткнул старшего Самошкина локтем в бок, — уперся и не отпускает меня. Кто, говорит, за бугра останется. А я ему говорю, что Иванов за бугра останется, чем плохой бригадир. Выручишь нас, а, Николай? Примешь на себя командование?

Иванов достал из кармана чистый, аккуратно сложенный платок, промокнул губы. — Вы как те канадские лесорубы, ей-богу. Все о работе. — Ну, нам же надо спланировать заранее. Можно на тебя рассчитывать, скажи, или ты увольняться надумал? — Пока... не надумал. А дальше — посмотрим. — Он не хочет на время, — пьяно прогнусавил Сашка Кислаков. — Он хочет, чтобы постоянно. Видишь, как ломается, точно эта... —

Короче, к чему разговор? — Иванов выложил на стол торчащие из рукавов пальто ручки, длинные и тяжелые на вид, как паровозные шатуны. — Куда гнете, братовья, кумы, сваты?.. Ну-у? Или главные вопросы под конец выпивки оставили? Давайте, сейчас выкладывайте, а то потом вас и бить не нужно будет, сами попадаете.

Толик Турусин моментально переключился на анекдоты и по ходу своей болтовни отодвинулся подальше от мосластых кулаков, спрятался за спину Чичахова.

Самошкин с таким видом, будто нарочно показывая свой испуг, сюсюкающим голоском попросил: — Мы по-хорошему, что ты, Коль, в самом деле... Просто хотели поговорить, объяснить. Я — бригадир, управляющий базой меня уважает... Я — в профкоме порта, я — этот... внештатный сотрудник службы охраны. И вообще, вроде, с ребятами нормально. И тебе что плохого сделал...

Краем уха слушая спотыкающуюся речь Самошкина, Иванов усмехался, пожевывал спичку и водил глазами по пространству шашлычной. — Ладно, орлы, счастливо оставаться. — Он поднялся, хлопнул по плечу Валерку Чичахова. — Пошли, Валер, доведу тебя.

Выйдя из павильона, чуть не задохнулись от вдарившего в лицо тугого порыва ветра. Чичахов еле держался на ногах, то и дело терял равновесие на скользком тротуаре. Иванов, как щенка за шкурку, взял его за воротник. — Тебе куда?

Валерка показал в направлении противоположном от дома Иванова. Иванов, чуть подумав, повел Валерку в свою сторону. — Кто еще был из бригады? — спросил он мотающегося Чичахова.

Тот, икнув, назвал Громова и Рябова. Иванов со злостью выругался: — Ах, паршивцы, хитрят все, выгадывают. В открытую надо, напролом. Понял, Валер? А эти брательники на хитрость меня взять хотят, даже на подкуп пошли. Турусин моей супружнице вчера поросенка замороженного притащил. Это ж надо, сколько денег не пожалели. Но меня не купишь. Шишь им... — Угу, — согласился Чичахов, неприятно морщась.

Из вежливости он хотел поддержать разговор, но его так мутило, что он не мог ничего выговорить. — Я поначалу, с психу хотел этого поросенка в окно выкинуть. А потом подумал — а назло им, сожру этого поросенка с гречневой кашей. Им еще обидней будет...

Чичахов икнул и остановился, зажав рот ладонью. Иванов остановился тоже и говорил, не

обращая внимания на Валеркино состояние. — ...Хмыри затюканные! Ни гордости, ни чести, ни собственного достоинства. Я вот когда шоферил, сам себе был и бог и царь. Начальство держал на коротком поводке — ты знай свои обязанности, а я уж за себя отвечу. И не возникали. А, думаешь, так каждый сможет? Не-е, надо и на глотку уметь взять, и законы знать, и в людях кумекать...

Иванов непонимающе посмотрел на Валерку, внезапно рванувшего в сторону находящейся неподалеку стройплощадки. — А-а, бригадирское угощение назад полезло?

Чичахов, скрывшись за забором, не отвечал. Иванов продолжал рассказывать о своей стойкости и принципиальности, и почему его заманили в бригаду грузчиков из шоферов, и почему ему там не «климат», и что бы он там переделал, если бы сам был бригадиром. — В два раза больше бы заколачивали! — кричал он туда, где, по его предположению, находился Чичахов. — Но непорядка, конечно, не потерплю, нет! Хотите по вышаку зарплату — слепое и беспрекословное подчинение — раз! — Иванов начал загибать на руке пальцы. — Работа, чтобы без дураков — два, на работе не пить — три. Я вот специально речугу для собрания приготовил...

Бледный, вытираясь рукавом куртки, Чичахов выбрался из-за забора. Иванов, кривя брезгливо

губы, вынул носовой платок, сунул его Валерке. Тот взял, вытер лицо и, поблагодарив, протянул обратно. — Ну, ладно, — отмахнулся Иванов. — Стравил заразу, теперь и сам дойдешь. А платок этот или выстирай, или возьми себе, а мне новый купишь. — В напутствие Иванов еще добавил: — Держись за меня — верняк будет.

13.

Работа у бригады в последнее время что-то не клеилась. Вероятно, что ожидание перемен, каких-то смутных изменений занимало умы, отвлекало и расслабляло. Тянуло сесть покурить, поделиться предположениями, обмозговать сообща, «чо-как». Те, кому в недавнее время сняли коэффициент, по своему разумению считали, что соразмерно полученной зарплате они и должны выкладываться на общую пользу — иначе говоря, делались «резинщиками». А если такие были из ребят с авторитетом, то на них оглядывались и рядом работавшие. Одним словом, погрузка и внутрискладские работы шли с прохладцей, большинству в бригаде разонравилось потеть на производстве, а некоторые даже предпочитали мерзнуть.

«Дело, видно, стало швах — кое-что трещит на швах». Так определил положение управляющий

базой, которого, по слухам, крепко взгрили за катастрофическое невыполнение плана по грузоотправке и за перевыполнение всех норм простоя транспорта. — Бригада в этом месяце работала так, будто тридцать процентов ее состава бюллетенели, — объявил утром управляющий, явившись к грузчикам на разрядку. — Больна бригада, — со вздохом сказал греющийся в углу у батареи Громов. — Будем лечить. В этом месяце как раз заработаете себе только на лекарства. — И оплеуху от жены, — хихикнул Рябов. — А кое-кто и не только от жены, — с намеком сказал управляющий и посмотрел на Самошкина, который сразу же захлопал себя по карманам в поисках несуществующей папироски.

Управляющий величественно закончил свою речь тем, что, если кто не хочет работать, пусть сегодня же пишет заявление на увольнение, и удалился, как джин, скрывшись в клубах ворвавшегося в дверь морозного пара.

За окном проскрипели по снегу его меховые сапоги.

В угрюмом молчании Самошкин ходил от стенки к стенке и, наверное, уже в третий или четвертый раз проверял свои карманы, пока кто-то из ребят не протянул ему папиросу. — Когда, в конце концов, созовем собрание? — нарушив общее молчание, спросил Иванов. — А заткнись ты

со своим собранием, — огрызнулся бригадир. — Толку-то в нем. — Нет, ты не откручивайся. Все время причины придумываешь...

Бригада молчала. Курили, сопели, затягивали на ватниках пояса и никто не ввязывался в надоевшую перепалку Иванова с Самошкиным. Вдруг дед Ковальский решил высказать свое мнение: — Я вот думаю, что это все этот виноват, как его... — он забыл, кто ж виноват, и раздраженно захлопал себя по колену. — Управляющий, что ли? — усмехнулся кто-то. — Не-е, — замахал Ковальский — и тут же вспомнил: — Во, кифицент!.. Непонятно нам: какой он, кифицент из себя. Взглянуть бы на него — а то и неразбериха получается. Был бы молодой, ей-ей, ушел бы в какое другое место...

Самошкин и Иванов совместно нагавкали на деда и тот, смущенно пожав плечами, замолчал. Бригадир воспользовался паузой и «скоренько-скоренько» принялся разгонять бригаду по рабочим местам.

Грузчики вяло поднимались, четверками выходили из биндюжки. — Погодь, ребята! — вдруг как опомнился Иванов. — Мы так никогда и не договоримся. — Да что вы в самом деле! — психанул бригадирский брат Юрка. — Сегодня после смены тут соберемся. Все слышали?! — и он, хлопнув дверью, вышел. — Не получится

сегодня, — пробубнил Самошкин-старший. — Надо сначала это... — Согласовать с начальством, — подсказал Толик Турусин.

Иванов в некотором замешательстве — поддерживать или не поддерживать призыв Юрки, несколько секунд стоял молча. Если согласиться на сегодня, получится, что Юрка одним махом организовал то, из-за чего он сам уже два месяца ругается с бригадиром, и на собрании Юрка будет выглядеть первым лицом.

Тут еще всунулся Громов: — Хватит ля-ля. Сегодня — и баста. А начальство пусть, — Громов оглядел ребят, — пусть вон Иванов известит. Так, мол, и так, бригада переживает за развал работы, хочет решить наболевшие вопросы.

Большинство из оставшихся в биндюжке одобряюще загудели.

Иванов, надумав, наконец, как закрепить последнее слово за собой, ткнул в сторону Самошкина пальцем и произнес сурово: — Бригада решила — закон!

И Самошкин, весь какой-то, будто полупридушенный воробей в лапах кошки, согласно закивал головой.

14.

Поработав с часок, Иванов отряхнул шапку,

вытер лицо и объявил своему звену, что ему пора в контору, договариваться насчет собрания.

По пути он заглянул еще на некоторые склады и там также сообщал грузчикам, что вот идет в контору биться там за интересы бригады. Через какое-то время по следам Иванова объявлялся и Самошкин. С несчастным видом бригадир крутился около ребят, громко пыхтя, пытался кое-где подсобить, но быстро уставал, лицо наливалось кровью.

«Нервы все измотал на этой работе, — размышлял он вслух, будто бы ни к кому и не обращаясь, — вот в груди бухтит что-то, в селезенке щелкает, печень совсем того... Совсем здоровье ни к черту. И все равно — для всех плохой».

Покрутившись так, Самошкин незаметно исчезал.

В обеденный перерыв объявился Иванов. Сухо и немногословно, точно сберегая какие-то важные обстоятельства в тайне, поведал бригаде, что побывал в профсоюзе и у начальника отдела труда и заработной платы. Поговорили по-деловому, что собрание необходимо признали и там, конечно, но сегодня не получится — им надо подготовиться, а в ближайшее время бригаду уведомят. — А чего им-то готовиться? — недоуменно спросил Цыган. — А это не твоего ума

дело, — ответил холодно Иванов. — Я им все расписал, какие у нас порядки, долго они меня расспрашивали...

Продолжительным взглядом с чуть заметной усмешкой Иванов посмотрел на Самошкина и на окружающих его сородичей. С их стороны не раздалось ни одной реплики. Немного погодя, бригадирский кум с явно подчеркнутым подобоострастием спросил: — Николай, а ты про наш заработок объяснил им? А то, что ж — мы же все-таки на северах работаем, на морозе вкалываем...

Не посмотрев даже на бригадирского кума, Иванов хлестко хлопнул ладонью по столу. — Дисциплина! — зычно и со злостью в голосе, будто ругаясь на кого-то, крикнул Иванов. — И четкая организация труда! — Он выставил над головой два растопыренных пальца. — Вот — наши козыри. И не позавидую я тому, кто в этом мне возразит.

Бригада уважительно молчала.

15.

После этих событий на Иванова словно напал «работунчик».

Он ставил такие рекорды, что ребята, попадавшие с ним в одно звено, еле за ним попевали. Иногда садились перекурить, от их

мокрых голов валил пар, натруженные руки мелко подрагивали. Но упреков и возражений против такого бешеного темпа работы, по крайней мере, вслух, не раздавалось. Большинство уже смотрели на Колю Иванова как на будущего бригадира.

Рукой кого-то неизвестного на стенах складов, на заборе, на дверях биндюжки и даже на воротах базы появились начертанные мелом, краской и еще не поймешь чем, надписи: «Все на выборы! Голосуй, а то проиграешь! Отдадим голоса единогласно за бригадира Иванова!».

Самошкин, завидев где такую надпись, отсылал туда «бригадирское ухо» Сашку Кислакова для ликвидации пропаганды. Сашка в преданном усердии замазал краской даже надписи на складах «Курить воспрещается».

Точно боевые корабли двух враждебных государств, Самошкин и Иванов, встречаясь в течение дня на территории базы, объявляли полную готовность и следили друг за другом, как через жерла орудий. При этом Самошкин, явно ощущая слабость своей державы, немного приспускал флаг и слегка отработывал «право руля».

Под вечер в биндюжку зашел управляющий базой. Протирая запотевшие стекла очков, обвел грузчиков близоруко туманными глазами. — Ну что, докеры-механизаторы, все в сборе? — Кто-то сострил, что даже лишние появились.

Управляющий оглянулся на голос, но без очков не рассмотрел остряка, и ровным тоном продолжил: — Завтра после смены, в половине шестого, будет бригадное собрание. Никому не разбегаться. Придут из конторы... Вот так-то, — он надел очки и посмотрел уже строгими глазами. — Работать не хотите, только бы митинговать. Чтоб на собрании порядок был! Не курить, не сорить и... так далее. Ну, а теперь по местам- транспорт простаивает.

16.

Следующим днем по окончании смены в густых по ночному сумерках грузчики сходились к своей бытовке. Горевшая там под потолком пятисотваттная лампочка слепила входящих ярким, как в операционной, светом. В глаза сразу назойливо лезли трещины на стенах, засиженные мухами плакаты по технике безопасности, мутные от пыли оконные стекла, в углу под умывальником — мятое ведро с окурками.

За столом уже сидел представитель из конторы — женщина средних лет, в рыжей шапке, с накинутой на плечи шалью. Она, не поднимая глаз, отвечала на «здрассте» входивших и отстраненно просматривала какие-то свои бумаги. Бригадир уже был здесь и что-то искал, заглядывая под скамейки. У каждого вновь пришедшего спрашивал бурчливо:

«Куда огнетушитель подевался, не видел?»

Грузчики рассаживались по углам, стесняясь конторского начальства, не галдели, мяли в руках сигареты, робея закурить. — Курить можно? — несколько грубоватым тоном осведомился Володя Ильин. Женщина из конторы отрицательно мотнула головой. — Потерпите. Тут у вас и так дышать невозможно. Чем только не пахнет. — И обратилась к Самошкину: — Все собрались? Начнем, пожалуй?

Самошкин угодливо кивнул, принялся, тыча пальцем и шевеля губами, сосчитывать бригаду. А Ильин, потянув воздух — вроде бы ничем и не пахнет, немного, правда, селедочным тузлуком от рукавов его ватника, — убрал сигарету обратно в пачку. — Семерых не хватает, — подытожил бригадир. — Ну, я им устрою. Ведь объявлено было же... — Люди здесь ни при чем, — прозвучал голос Иванова. — В бригаде уже мало кто верит, что у нас можно навести порядок, и считают это собрание пустой болтовней. Дисциплину с другой стороны наводить надо, бригадир.

Самошкин кисло поморщился, что-то пробурчал себе под нос и повернулся к представителю конторы: — Начинать, что ли, Нина Матвеевна? — Уже начали, — улыбнулась та, придерживая на плечах шаль, поднялась. — Вот товарищ затронул нужный вопрос. По этому поводу я и присутствую у вас на собрании. Давайте

организованно выберем президиум, секретаря и поговорим обстоятельно, откровенно обо всем, что вас тревожит, что мешает производительно работать.

Когда по всем правилам избрали президиум и секретаря, желающих выступить не нашлось. Даже Иванов молчал, только водил по биндюжке тяжелым взглядом. Нина Матвеевна удивленно поднимала брови, Самошкин почему-то радостно выкрикивал: «Ну, кто хочет выступить?! Ну, кто?» — Что ж вы, как крестьяне колхозных времен? — не вытерпела Нина Матвеевна. — Смелее же! — Но грузчики скромно улыбались, переглядывались. Дед Ковальский, чтобы сделаться незаметнее, даже закрыл глаза. — Вот, Иванов, вы? Как главный, так сказать, инициатор...

Иванов поморщился и вежливо, сглаживая в голосе вибрирующие интонации, ответил: — Я планировал выступить немного позднее. Пусть сначала другие скажут. А то получится, что я — главный инициатор, другими словами выражаясь, бузотер. Я, короче, попозжей скажу. — Ну-у, товарищи, — скучно и разочарованно протянула Нина Матвеевна, — так дело не пойдет... Вот, может, бригадир выскажется?

Самошкин вздрогнул и, ощетинившись, будто ежик, свернувшийся в клубок, посмотрел исподлобья вправо-влево. Медленно поднялся,

оглянулся через плечо к Толику Турусину. — Того... я, конечно... скажу, — пропыхтел бригадир. Прислушался к шепотку Турусина и запыхтел дальше: — Я не собирался выступать, потому что собрание это мне... нам всем, то есть, не... Ага. Я не был сторонником этого собрания, потому что... Правильно сказал управляющий базой Сергей Яковлевич: надо работать, а не... митинговать. — Значит в бригаде у вас все нормально? Так сообщать, туда? — спросила Нина Матвеевна и показала авторучкой на потолок.

Самошкин посмотрел на лампочку, сощурился от ее яркого света и ничего не ответил. — Так, значит, получается, что у вас все хорошо? — продолжала вопрошать коварным голосом Нина Матвеевна. — Работаете, значит, эффективно, коэффициент применяется и приносит результаты? — Приносит... в общем, — с глубоким, усталым вздохом ответил Самошкин. — Что приносит?! Где?! — раздались выкрики. — Зарботок совсем захирел!.. Бригада разбежаться хочет!.. — Непонятно, для чего вы это все у себя там в конторе выдумали!..

Председатель собрания Максимыч, призывая к порядку, забарабанил кулаком по столу. Нина Матвеевна настойчиво упрашивала сидящего неподалеку от нее Ильина выступить с подробным рассказом о положении в бригаде, но молчун

Володька, не зная, как отделаться, пихнул в плечо Ковальского и шепнул: — Давай, дедуль, толкни речь. Народ, видишь, тебя просит. Режь правду в глаза.

Сунув в голенища валенок рукавицы, Ковальский несмело поднялся, затоптался на месте. — Я, братва, всю правду хочу сказать. Только издалека начну, чтобы понятней было... Батя мой хохляцких кровей... — Не надо издалека, — перебил его Максимыч. — Если не можешь коротко, лучше садись. — Когда коротко, то без выражений не обойтись никак, — развел руками Ковальский. — А тут в некотором смысле человек женского рода присутствует.

Позади Ковальского поднялся Громов и, положив свою тяжелую лапищу на плечо деда, усадил его на место. — У меня тоже имеются кое-какие мыслишки, — медленно произнес он и почесал спичечным коробком переносицу. — Был и я пяток лет бригадиром, и при мне случались всякие там неурядицы. В основном, по вине начальства. А бригада, она как? Она, как и народ, плохой не бывает, бывает плохое руководство. Бригаде покажи, что сделать, да заплати по справедливости — она горы с места на место перетащит. — Грузчики после этих слов одобряюще загудели. — Однако в настоящее время происходят непонятные вещи, — с уверенной

медлительностью продолжал Громов, — с одной стороны посмотришь: выполняем солидный объем грузопогрузки. А с другой стороны — в кармане шишь — да маленько, и еще начальство ругается. Не буду, конечно, говорить о последнем периоде — работали мы без интереса... Так откуда взяться-то этому интересу! — сорвался он со спокойного тона. — Вы пояснее и ближе к делу, — вставила Нина Матвеевна. — О чем идет речь?

Громов, глядя из-под бровей, подкинул и поймал на ладонь спичечный коробок. — А речь о том, Нина Матвеевна, что насильно навязанный ваш коэффициент нам совсем не в масть. Общий котел у нас был и раньше. А все другие нововведения вроде бы как штрафы для нас. Чтобы зарплату урезать. Хитрый ход начальства, как я понимаю, чтобы держать народ на коротком поводке. Но, если так дальше пойдет, Нина Матвеевна, то и работа, и грузчики — все разбегутся. — Одни разбегутся — другие сбегутся, — отмахнулась от этого обстоятельства Нина Матвеевна. — Заработки у вас, даже по северным меркам, ого-го какие. Но, судя по реакции аудитории, многие согласны с выступлением? — Согласны, а чо! — выкрикнул из дальнего угла Цыган.

Нина Матвеевна расстроено закачала рыжей шапкой. — Ну как вы не можете понять

преимуществ этой системы оплаты труда? У нас в порту семьдесят...шесть процентов бригад уже работают по этому методу. И никто не жалуется. — А если мы не хотим, чо — тогда?

В раздражении Нина Матвеевна всплеснула руками и принялась перечислять другие примеры, зачитывая из своих бумаг многочисленные, но непонятно что означающие цифры.

Иванов со своего места, прищутив глаза, наблюдал за тем, как бригада все больше и больше намагничивается общим настроением недовольства. Кое-кто уже закурил без разрешения. Федотов с Еремеевым шипящими голосами что-то доказывали друг другу. Со всех сторон сыпались реплики — и разгоряченная Нина Матвеевна уже сняла с себя платок и шапку.

Самошкин и его родня сидели тихо, с одинаково мрачным выражением лиц. И до того карикатурной показалась Иванову фигура бригадира: с коротким чернявым чубчиком, оттопыренной нижней губой, провисшим между ног брюшком — что он, не сдержавшись, громко хмыкнул.

Иванов поднялся, поправляя чистый свитер, непонятно когда успел в него переодеться. В шуме голосов резко, властно прозвучал его пренебрежительный бас: — Ну, тише, черти! Кому говорят, тиш-ше!.. Попробуем во всем

разобраться. — Замутил воду — теперь пробует разобраться, — слышался в утихающем гомоне обиженный тенорок Самошкина. — Не надо лишнего ля-ля, — Иванов досадливо скривился и не ясно к чему это относилось — к бригадирской реплике, ко всему предыдущему разговору на собрании или просто как вступление к речи. — Взглянем на вещи трезво. От нас требуется определенный объем погрузок. Нам требуется определенного размера заработок. Имеются у меня кое-какие мыслишки, о которых я советовался с нашим коллективом... — Это о борьбе с пьянством, что ли?! — крикнул кто-то из бригадирских свояков. — Да, и о пьянстве — тоже, — твердо заявил Иванов. — Сами поймите, друзья, что производительность у поддатенького грузчика только на первый взгляд выше, ну, первые десять-пятнадцать минут после принятия дозы. А потом этот ухарь-киндибобер под мешком задыхается, ящики роняет, первым о перекуре кричит и дальше весь остаток смены уходит у него на поиски «счастливого» рубля. Да и не в этом главная закавыка, — махнул рукой Иванов, — мы, черти, работаем так, как будто нынешний денек у нас последний, а там хоть трава не расти. Ни на секунду не задумываемся, как бы облегчить, усовершенствовать, скрасить, что ли, эту нашу обрыдлую технологию погрузки, затарки,

оприходования. Точно бараны... — Как же, не задумывались — задумывались, — возразил, но одобрительно Юрка Самошкин. — Мы и скрашиваем, — сказал Рябов, щелкнув себя пальцем по кадыку. — Хе-хе. Хорошо бы, конечно, если бы нам роботов таких прислали, как в Японии. Я по телевизору недавно видел, во! — И он сгниет в упаковке, — вмешался Громов. — Робот не робот, но кое-что из малость поржавевшего у нас есть. Две болгарские кары, передвижные транспортеры, а может, и еще что отыщется. Вот я вам о чем и толкую, — живо продолжил Иванов. — Представляете, подгоняем транспортер на погрузку муки или цемента, двое на ленту кидают снизу, двое сверху ловят. Людей требуется в два раза меньше, скорость — в два раза больше. Вот выберем нового бригадира и сами увидите, как все наладится... — Эх-ха! — Раздалось много возгласов, которые можно было понять как одобряющие и как возражающие. Оживились и загомонили тоже бригадирские сородичи. Толик Турусин, встревоженный и суетливый, как обезьянка при пожаре в джунглях, перескакивал с места на место и что-то скороговоркой шептал в ухо то одному куму, то другому. Самошкин же сидел мрачно и неподвижно, будто подыхающий от несварения желудка бегемотик. — И нечего капать на мозги народу, — рыкнул Иванов с высоты своего

роста. — Правда всегда восторжествует. — Подождите, Николай, — еле пробилась со своим вопросом Нина Матвеевна. — Вы говорили правильно. И о повышении уровня механизации, и дисциплине, в смысле пьянства. Но нельзя убирать с весов и такой рычаг, как организация работы по новому методу эффективного хозяйствования. — Про рычаг я сейчас тоже скажу, — кивнул Иванов. — До чего ж говорливый! — раздался ехидный голосок Турусина. — А за правду я не то что поговорить, но и в морду дать могу, — огрызнулся Иванов. — Ребята, не ссорьтесь, — строгим голосом воспитательницы сказала Нина Матвеевна и постучала карандашиком по столу.

Иванов опять гладко, как по бумажке, отчеканил про новый метод хозяйствования, как он всем работам присвоит разряды, как он лично будет следить, чтобы всем выходило одинаковое количество разрядов. От разрядов будет зависеть коэффициент, а от коэффициента — зарплата.

Лицо Нины Матвеевны от часто повторяемого слова «коэффициент» расплылось в довольной улыбке и глазами, полными благосклонности, смотрела она на выступающего оратора.

Резкий голос Иванова продолжал греметь под прокуренными сводами биндюжки: — И я уверен, новой организацией своего труда мы перейдем к таким объемам, а значит, и к таким заработкам,

каких у бригады еще не бывало. — Ну-у, голова, — восхищенно приговаривая, завертелся на месте дед Ковальский. — Башковитый Колька, смотри-ка, два года у нас работает, а во всей нашей системе точно какой бухгалтер разобрался.

Иванов, не присаживаясь на место, обвел глазами лица грузчиков. Посмотрел с вопросом на Громова. Тот поймал этот взгляд, хмыкнул и ничего не сказал.

Толик Турусин тоже молчал, сердито покусывая нижнюю губу. Юрка Самошкин переговаривался с соседом и тоже, по всей видимости, возражать не собирался — но вдруг обернулся к продолжавшему стоять Иванову и крикнул: — А что — все верно! Правильно выходит!

Иванов перевел дыхание. Никто из этих троих, которых он опасался как главных спорщиков и своих соперников, не возник против и один из них даже вслух высказался в поддержку. — Вот вкратце главное. В деталях разберемся по ходу дела. Уверен, что бригада будет довольна. — Он уверен... Бригадиром уже себя считает, — с тихой обидой пробубнил Самошкин-старший. — Ну, что ж, — удовлетворенно сказала Нина Матвеевна. — Если нет больше желающих выступить, переходим ко второму вопросу повестки- выборы бригадира. Будем его рассматривать? — Будем, будем! —

послышались предложения.

Поднялся Валерка Чичахов. — Предстоящие большие перемены в жизни нашей бригады требуют нового руководителя в бригаде, — произнес смущенно он гладко звучащую фразу и сел, покрывшись румянцем. — Ну, какие предложения по кандидатуре? — спросил, хмыкнув, Максимыч.

Грузчики зашущукались, но никаких фамилий не прозвучало. Вдруг, как черт из табакерки, вскочил с места психованный Рябов и, вздернув вперед руку, крикнул с матерным выражением в начале и в конце фразы: — ...Кольку, конечно!..

Иванов, вытянув шею, обводил глазами грузчиков. Немного дольше других задержал взгляд на Чичахове. Валерка, увидев это, заморгал и, откашлявшись, выкрикнул: — Иванова, конечно! Иванова! — Предлагаю оставить Владимира Самошкина! — пискляво выкрикнул Кислаков. — Юрку Самошкина! — твердо заявил с места Ильин. — Кольку Иванова! — опять психовано заорал Рябов. — Колька — наш бригадир!

Подсчет голосов вели шумно и скрупулезно. Грузчики переругивались, упрекали друг друга за необъективные симпатии и, в зависимости от этого, сулили один другому различные неприятности. — Он тебя вот скрутит в бараний рог... — Наплевать, лишь бы заработок хороший. — Надоело, ну все к

хренам... — Власть голову вскружит — узнаешь, какой он справедливый...

Максимиыч закончил свою арифметику и утомленно объявил: — Победил Коля Иванов. Ну, что ж, поглядим-посмотрим, поживем-узнаем.

Гремя скамейками и стульями, поднялись. Захлопала входная дверь. В темноте загорались огоньки сигарет, они вытягивались в неровную линию и плыли к проходной базы.

17.

Озабоченно-спешащей походкой новоиспеченный бригадир вышагивал на своих длинных ногах по территории базы и всюду совал свой нос. Его указания выводили из себя завскладов, товароведов, водителей загружаемых машин, короче, всех, кому в большей или меньшей степени требовалась работа грузчиков. Однако ж сам управляющий, присмотревшись пару дней к Иванову, с большим одобрением отнесся к его волевым приемам организации и, в особенности, к его фразе «Ваше дело, Сергей Яковлевич, приказать, а наше — исполнять».

По нововведенному порядку бригада приступала к работе сразу, только выйдя из автобуса. Иванов недремлющим оком держал под контролем и численность звеньев, и объем работ,

всю смену носился со склада на склад, чиркал что-то в своей записной книжечке. Из хозяйственного ангара на белый свет вытащили пропылившийся автопогрузчик и заржавевшие детали размонтированных транспортеров. Вывесили график, по которому каждый член бригады должен был пожертвовать на ремонт техники несколько сверхурочных часов. Иванов стучал себя в грудь и обещал, что работы будут отмеханизированы до такой степени, что на смену все смогут приходить в белых рубашках. — Во здорово, гниль будем теперь автоматически грузить, — порадовался Цыган. — Гниль — дело особое, — ухмыльнулся Иванов. — Здесь оставлю все, как было. Ручной труд, он, хе-хе, больше дисциплинирует.

Первый месяц под командованием Иванова принес много изменений. Бригада уменьшилась на шесть человек. Первым уволился Самошкин-старший, попросившийся перевести его в экспедиторы. Затем трое его сородичей, не пожелавших трудиться без фамильных привилегий, дед Ковальский, получивший от Иванова строгое предупреждение не висеть на шее бригады, если не хочет получать пенсию посмертно, и Сережка Рябов, уволенный для устрашения других за пререкания и пьянку. — Ну, как? — спрашивали серые глаза бригадира, когда он утром входил в

базовский автобус. — Есть сегодня кандидаты для работы на гнили?

Зато расчетную ведомость в день получки читали, словно именную почетную грамоту. Некоторые даже с довольным утробным хохотком, мол, если и заначить от жены целую сотенную, та все равно не догадается, что муж принес не полную зарплату. — Черти! — рычал, входя в биндюжку Иванов. — Хватит мусолить свои копейки. Заработаем и больше, если под ногами путаться не будете. По местам! Скоренько, скоренько!..

18.

Проходя мимо бригадира неспешащей походкой, Юрка Самошкин остановился, как будто завязать концы башлыка, и с язвительной улыбкой произнес: — Николай, ты для меня прямо как брат родной стал. Даже роднее.

Иванов проводил независимую Юркину спину подозрительным прищуром, потянулся в карман за блокнотом. Однако поймав взгляды еще оставшихся в биндюжке грузчиков, блокнот из кармана не вынул. Саданул ногой дверь и вышел из биндюжки. — Бар-раны, — послышался с улицы его раздраженный голос. — За них тут голову ломаешь, крутишься-вертишься, а они... подковырки всякие.

У ворот овощного склада Иванов услышал доносившийся из складских глубин взрыв хохота. Остановился в настороженной стойке и прислушался. — Товарищ бригадир, — дурашливо-тонким голосом обращался к кому-то Федотов, — а как относятся к вам члены вашей бригады, уважают? — И тут же отвечал басовито: — А куда они, черти, денутся! — После общего хохота Федотов опять вопрошал писклявым голоском: — А какие у вас, товарищ бригадир, личные планы? А у меня, товарищ корреспондент, все планы- личные.

Иванов протиснулся меж неприкрытых створок ворот, направился к грузовику, на который по дощатому трапу закатывали двухсотлитровые бочки с огурцами. Валерка Чичахов и Володька Ильин скоблили подошвами сапог размокшие доски трапа, боролись с бочкой, не желавшей подниматься в кузов. Лица у грузчиков были потные и веселые. — Та-ак, — многозначительно протянул Иванов, заглядывая в блекло освещенное нутро рефрижератора, — половину загрузили? — Загрузили, — гордо поддакнул Федотов. — Выгружайте, — хмуро приказал Иванов, — выгружайте, ну-у! Бочки установили не по габариту. Тут больше должно влезиться.

Ильин с Чичаховым замерли на трапе, подперев бочку коленями. Максимыч внизу трапа

удивленно покачал головой и уговаривающим голосом спросил: — Так же не делали никогда, Николай? — Теперь будем.

Возникшую тишину нарушил грохот покотившейся вниз бочки. Она с разгона врезалась в косяк ворот и из вылетевшего доньшка полезли, как живые, желтые огромные огурцы. — Короче, ясно? — зловеще переспросил бригадир и повернулся к выходу.

Прибежала завскладом, раскричалась из-за рассыпанных огурцов. От нее отгавкались и сели перекурить. — Нету никакого желания работать, — устало проговорил Ильин. — И на деньги наплевать. Из-за одних денег, что ли, жить...

Максимыч, Федотов и Чичахов молчали. Посвистев шепеляво какой-то мотивчик, Федотов сказал: — И-эх, не на ту лошадку поставили. Такая лошадка всех заездит. Еще вспомним пузатого Самошкина. — Работать, конечно, надо. Хочешь зарабатывать — паши, — тихим голосом, как бы раздумывая, проговорил Максимыч. — Но нельзя же всю дорогу работать, будто под палкой... Когда начальство бригадира назначит, не так обидно, что он гадом оказался. А когда сам выберешь, а он — жлоб, вот тут очень обидно, — покачал головой Максимыч и посмотрел на вспухшие от рассола ссадины на ладонях.

— Зря мы Юрку в бригадиры не выбрали, —

оглянувшись на ворота, с сожалением сказал Чичахов. — А что — Юрка, — махнул рукой Федотов. — И Юрка таким же стал бы. От власти забурел бы — и тот же результат. — Есть такая легенда, мужики, — усмехнулся Максимыч. — То ли китайская, то ли японская... И гласит она о том, что в древние времена завелся на одной территории дракон. Жил он на высокой горе, держал всех жителей в страхе и требовал от них присылать для его пропитания по десять человек ежемесячно. А может, даже и больше, уже не помню. Терпели люди, терпели, пока не находился какой-нибудь баламут, которому не по душе была такая демократия. Хватал, значит, этот политический лидер саблю, взбирался на гору и рубил тому дракону голову. А потом садился перекурить — и, пока курил, смотрел он вниз с горы на маленьких, снующих по всякой чепухе людишек и накатывали на него всякие мысли о собственной, так сказать, исключительности. И от этих мыслей покрывался он незаметно чешуей, когтями, зубами всякими другими драконьими принадлежностями — а потом как зарычит: подать мне немедленно десять человек на закуску! И так до следующего раза. Эх, блин, — вздохнул Максимыч — во всем человечестве, как в нашей биндюжке.

От нахлынувшей с чего-то лени, от настырного нежелания выполнять бригадирское